

Иван ВАСИЛЬЦОВ

ПОСТАВЩИК БАРАХОЛОК

* * *

Все у нас разное:
мнения и доходы,
рябины оттенки —
рудые,
рыжие
и терракотовые,
и в стаканах семки,
газеты и пароходы,
клозеты, и на Луне
вездеходы,
и поскрипывания,
и постскриптумы,
и, которыми меряются, —
разные
более-менее...

А бахилы-то у нас
всюду одинаковы —
что в музее Пушкина,
что в реанимации.

* * *

Утром апрельским озябла
сосулек морзянка.
Нельзя ли —
длинный-короткий
просто?
Три точки —
три тире —
три точки?

Нет,
        не рано...
Прости,
        прости меня, милая!
        Так будет пусть!
Не гру...
        Не грусти.
Скоро тюльпаны
        начнут игру,
распустятся в степи,
как подростки.

Поставщик барахолк

Знал модельер Юдашкин
толк в своих балахонах.
Был у меня знакомый —
поставщик барахолк.

Раскладывался по субботам
тополя он в тенечке,
рынка в сени Сенного
в какие-то там денечки.

И сверху смотрел он пристально,
в кепочке и олимпийке,
на то, что им было выставлено,
как будто бог олимпийский.

Можно ль доверить счастье
бусикам-повиликам?
На рынках блошиных часто
думаешь о великом.

В этом мире не вечном
станем мы все вещами,
точно бы в сне не вешем —
нас уже завещали.

Кто-то из нас половник,
кто-то из нас салатник,
кто-то из нас солдатик,
кто-то — полковник,
любовник,
женатик.

Ручка ли откололась,
носик ли покосился,
куклы винтажной голос
в прошлое попросился...

Или слетела кукушечка
и не вернулась.
Нокия-раскладушечка
сердца коснулась.

Нам каталог не нужен —
спутаем неужели?
Вон, поглядите, в луже
осколки гжели.

Осень холодная если же,
то Конаково канают.
В крестики-нолики-крестики
галочки в небе играют.

Поставщику барахолки
не до игры — сорян,
родился он в Балаково,
где АЭС и бурьян.

Слыл правым и виноватым,
случалось — пил,
себя расщеплял, как атом,
не расщепил.

Но из черной дыры малахольной,
что нигде-никогда,
родилась барахолки
поломанная
звезда.

Еще об одном приколе:
втрескалась в него как-то
Дашка,
ну здешняя
завсегдашняя,
на ретро-фото-порно-альбоме
свой номер нарисовавшая.

(Ушлый:

сберегся в тенечке,
от себя

самого

отрекающийся —

и есть он, и нет —

не конформист,

просто как все.)

Снег.

Зарешеченный лист

прошлогодний

впечатан

в след.

Хера се,

охра!

Бычки

и плевочки.

Ручья камуфляж.

Что ж ты наделал,

старый мудило

в белом,

каменщик-каменщик?..

Ну-ка, вода,

побеги!

Важно

по терри-

тории

ранней

весны

(чуть не сказал —

раненой)

(осени?).

Туда и сюда

прохаживается

грач,

поигрывая

крылом, —

раньше он был агрономом,

теперь кажется конвоиром.

Кто-то спешит

в

триумфальный молл,

кто-то

спешит на оптовку

(там дешевле всегда
и свежее, потому что же
всё разбирают,
подсолнечное если брать
или кекс — бог мой! — «Свердловский»,
или рыбу там —
только там).
А мне-то что?
Куда?
На остановку?

Случайно
друга
встречаю,
кореша
давнего.
(«Старик,
сколько зим!» —
руку
он тянет мне,
весело корчится.)

И тут
замечаю,
что руки свои я сцепил
за спиной.

...Мимо тюрьмы городской
я
прохожу
как свидетель
этой
весной,
осенью этой.
И вдруг ощущаю нечаянно,
как тянутся из-под земли,
из-под золы
и судьбы
побеги отчаянные.
#ВеснаОсень
#ТюрьмаПобег

